

Иникова С.А.

**Религиозно-догматическая
составляющая в похоронном обряде
духоборцев с. Гореловка (Грузия)**

В статье рассмотрен один из важнейших аспектов похоронного обряда старорусской секты духоборцев – его религиозно-догматическое обоснование, заключенное в псалмах и духовных стихах, сопровождающих каждый этап похорон. В качестве примера взято село Гореловка (Грузия), в котором похоронно-поминальная обрядность и в наши дни сохраняется в наиболее полном объеме.

Учение старорусской секты духоборцев¹ не было зафиксировано в письменной форме. Оно было изложено в псалмах, которые читали и пели на молениях, при исполнении похоронно-поминального обряда, в почитаемых сакральных для духоборцев местах. Псалмы передавалось из поколения в поколение в устной форме, но толковать их умели только приближенные к духоборческим руководителям старички. Ученые и богословы традиционно видели в псалмах набор искаженных цитат из Священного Писания, церковных молитв и народных духовных стихов. Сами рядовые духоборцы знали наиболее общие положения своего вероучения, отличавшие его от православия, но им было не положено глубоко вдаваться в сложные догматические вопросы. Такая форма хранения сакрального знания позволила секте сделать его недоступным для понимания посторонними людьми, в том числе разного рода соглядатаями, но в то же время, она стала причиной тяжелых для этой этноконфессиональной группы последствий.

Со временем в силу раскола в секте после смерти последней руководительницы Лукерьи Калмыковой в декабре 1886 г., выезда части духоборцев, принявших новое учение П.В. Веригина, в Канаду и последующих переселений духоборцев в 1920-е гг., репрессий 1930-х гг., направленных против тех самых знающих учение старичков, это таинственное знание было утрачено. Ушла из памяти и культовой практики духоборцев и большая часть самих псалмов, хотя они были записаны в 1899–1900 гг. и изданы в 1909 г. В.Д. Бонч-Бруевичем под названием «Животная книга духоборцев».

Духоборцы в Ахалкалакском уезде Тифлисской губ., а затем Богдановском р-не Грузинской ССР жили в восьми селениях, из которых с. Гореловка (Горелое) было известно крепкими традициями и высокой степенью религиозности. В этом селе в прошлом располагалась резиденция вождей – Сиротский дом. Гореловцы после смерти Л.В. Калмыковой отказались признать нового вождя и не приняли его нового, в толстовском духе составленного учения. Оставшись в меньшинстве и получив название «малой партии», они, в противовес остальным духоборцам «большой партии», старались точно выполнять все, что оставили им предки.

В настоящее время из духоборческого Гореловка превратилась в армянское село: в 2014 г. в нем проживало всего 119 духоборцев, однако там до сих пор всё еще в полном объеме сохраняется похоронный обряд, сопровождающийся чтением и пением строго определенных псалмов. Наиболее полная сохранность обряда в Гореловке в значительной степени связана с тем, что проживая среди армян, духоборцы стараются сохранить свою идентичность, и их похоронный обряд превратился в главный идентификационный маркер. В силу перечисленных причин объектом нашего изучения стал похоронный обряд духоборцев с. Гореловка.

Первая экспедиция в Гореловку состоялась в 1988 г., последняя – в 2015 г. Уже в 1990-е гг. стало ясно, что начавшийся после распада СССР отъезд духоборцев в Россию не остановится, и встал вопрос о сохранении жизненно необходимого похоронно-поминального обряда и певческой культуры исполнения похоронных псалмов. Учиться пению у старых певчих пришли женщины, ранее практически не посещавшие моления, которым предстояло освоить сложную манеру исполнения псалмов. Обучение заняло пять–шесть лет. В настоящее время в Гореловке основных певчих, которые «заводят псалом» и ведут его, всего трое, остальные «поют за следом», в их числе и единственный мужчина. В других духоборческих селениях Грузии певчих уже давно нет. Эти трое, 1953–1954 гг. рождения, учились у последней из певчих старшего поколения – Сары Константиновны Томилиной. Она передала более молодым не только умение петь псалмы, но и некоторые знания о похоронном обряде, которые держались в тайне не только от посторонних, но и от своих. Во время экспедиций 1988–1991 и 1997 гг. мне довелось часто беседовать с С.К. Томилиной, с которой сложились очень добрые, доверительные отношения. Она говорила, какие псалмы они читают во время похорон и поминок, в какой момент похорон какие псалмы надо петь. О каких-то вещах уже тогда я догадывалась, но на мои вопросы Сара Константиновна отзывалась незнанием или читала очередной псалом, который, видимо, должен был мне что-то объяснить. Сейчас, когда современные певчие уже не считают нужным скрывать скрытый смысл обряда, ответы

старой певчей стали понятны, так же как понятно стало, почему духоборцы выбрали для каждого ритуального действия, производимого в рамках обряда, именно эти псалмы, а не какие-то другие.

Похоронный обряд духоборцев органично входит в их систему религиозного учения, являясь ее неотъемлемой частью. Хотя он, безусловно, и выводит на общие догматические вопросы веры, но в большей степени связан с конкретными представлениями о душе, ее расставании с телом и уходом в мир иной. Безусловно, в конце XX – начале XXI в. похоронный обряд претерпевал некоторые изменения, его специфические черты понемногу размывались, и он медленно приближался к русскому православному обряду. Весь похоронно-поминальный обряд сопровождается чтением и пением псалмов и некоторых духовных стихов, называемых стишками². О значении пения псалмов говорится в одном из них:

«Пение псалмов — душам нашим украшение. Ангелов на помощь призывать — отжениет тьму, содевает святыню человеку на укрепление ума, заглаживает грехи, подобно есть милости святых, прибавляет веру, надежду и любовь, яко солнце просвещает, тако водой очищает, яко огонь опаляет, елеем умащает, дьявола постыдивает, а Бога показывает <...>» [ЖК, пс. 91].

Более того, в псалмах повторяется фраза, что Господь творил небеса с пением и даже что небеса – это и есть пение (ЖК, пс. 3, в. 1; пс. 14, в. 1; пс. 2, в. 94). Образ пения-небес, характерный для учения духоборцев, как нельзя лучше свидетельствует о высочайшем значении певческого исполнения священных текстов, и в то же время он помогает понять смысл некоторых псалмов. Псалом пели не полностью, а несколько строк – взводов, и потом его дочитывали.

В догматическом вопросо-ответном псалме указаны четыре обязательные для похоронного обряда псалма, из которых один надо прочесть над умершим, а три спеть в разные моменты похорон. Когда человек умрет, следует читать «Прими, Отче, к тебе во грядущих», когда несут хоронить, петь «Узрев много народа, взыйдет на гору...», а после похорон – «Помилуй нас, Владыко-Боже, на всех воззри...», придя с кладбища в дом спеть – «К кому пойду от Тебя, Господа Бога моего, от лица Твоего к кому убегу...» [ЖК, пс. 2, в. 74–77]. Вопросо-ответные псалмы, в том числе и этот, видимо, были составлены в конце XVIII или самом начале XIX в., тогда же или позже, но эти четыре указанных обязательных похоронных псалма были дополнены и другими сакральными текстами, которые духоборцы посчитали необходимыми для правильного совершения обряда.

Слова «Прими, Отче, к тебе во грядущих» – это не название, а строка, стоящая почти в конце псалма «Ныне обратись душа моя ко Господу» [ЖК, пс. 183]. Бонч-Бруевич

отметил в примечании к псалму, что читают его в первые минуты после смерти духоборца. Первая часть псалма – по сути это инструкция по подготовке души к переходу в мир иной: надо обратиться душой к Богу, покаяться в грехах, молить Бога. Во второй части прямо говорится: «ныне приходит конец мой» и просьба о помиловании, прощении грехов (беззакония), упокоении со святыми. Скорее всего, псалом читали на исход души те, кто присутствовал при кончине духоборца или сам умирающий, если был в состоянии сделать это. Сейчас он считается просто похоронным псалмом, не привязанным к какому-то определенному моменту или действию. По русскому народному обычаю около умирающего также читали «Сон Богородицы».

Первый день после смерти:

После наступления смерти, как и в русском православном обряде, покойного обмывали, обряжали, клали на лавку, и кто-нибудь из родных созывал певчих, которые собирались в дом и садились за стол в той же комнате, где лежал покойник. Раньше читали и пели псалмы днем и ночью до похорон, но с 1960-х гг. певчие стали приходить утром на несколько часов и после обеда или вечером и пели до 9–10 часов вечера.

«Коренные» певчие Гореловки в 1988–1990-е гг. говорили, что первым, когда приходят в дом, они поют псалом «Взира́й с приближением смерти» [ЖК, пс. 158]. Бонч-Бруевич, правда, указывал в примечании, что его поют на кладбище, когда все уже отходят от могилы. Это известный духовный стих южнорусского происхождения, особенно популярный у старообрядцев: «Взира́й с прилежанием, тленный челове́че, как век твой проходит — смерть недалече». Иногда его автором называют Стефана Яворского митр. Рязанского. У духоборцев этот стих стал псалмом, о чем свидетельствует добавленная в конце его строка «Богу нашему слава». Повествование о тленности всего земного, о лютой смерти, переселяющей человека в иной мир, создает определенный эмоциональный настрой и как нельзя лучше соответствует моменту. Духоборцы немного переделали его, но нельзя утверждать, что это было сделано преднамеренно. Ошибки вкрадывались из-за того, что псалмы заучивали наизусть, а человеческая память несовершенна.

После этого псалма надо было пропеть псалом «Сами мы не знаем, люди нам не скажут» [ЖК, пс. 267]: «Сами мы не знаем, люди нам не скажут как нам на земле жить-прожить. Сказали нам: умрите, во гробе лежите, трубного гласа ждите. Когда трубы вострубят, все мертвые возстанут, на суде будут стоять, ответ Божий держать, не предай нас, Господи в юдейския руки, запиши нас, Господи, в животную книгу, избери нас, Господи, избранными своими. Богу нашему слава». В настоящее время певчие Гореловки тоже поют его в первый день, когда приходят в дом покойного.

Это уже обращение к теме Страшного суда, некоторое забегание вперед: умерший еще лежит на лавке, а за него просят на будущее, на грядущем суде дать ему жизнь вечную с Господом. После этих двух псалмов можно было пропеть любой похоронный псалом, но чаще пели хвалебный «Жив наш Господь» или «Великое дело» [ЖК, пс. 319, 202]. Похоронными считались «Кто ин яко бы сей Иоанн» [пс. 71], «Глаголет Господь Бог Вседержитель ангельскими трубами» [пс. 109], «Когда будет конец века» [пс. 122], «На белом свете дева дивная вздивовалась» [пс. 171]. Раньше на похоронах читали и пели «Царь Давид Осеевич» [пс. 89] – это часть известного духовного стиха о Голубиной книге.

В настоящее время, когда певчих мало и набор псалмов ограничен, можно прочитать и пропеть то, что напрямую и не связано с похоронами, кроме пасхальных псалмов.

Раньше в гроб клали в день похорон, но сейчас, если гроб готов, то кладут в первый день. Бонч-Бруевич отметил, что когда в дом вносили гроб, то пели «Сойдемся мы, братья» [ЖК, пс. 79]. В Гореловке певчие стоя начинают петь этот псалом, когда вносят гроб и кладут в него покойника: «Сойдемся мы, братья, подумаем, во единую церковь соборную, апостольскую, сотворим мы, братья, радость ангельскую. С вечера церковь ограждалася, к полуночи церковь освещалася, к белу свету церковь – на суд к Богу. *Прилетали ангелы Божьи по тою душу израительскую; подняли тою душу на пение; понесли тою душу к самому Христу, к Богу нашему*; встречает тою душу сам Господь Бог; ты пойдя, моя душа, израительская — не лживый пророк, ученик Христов, есть у меня человек на земле такой же, как я, как столб до небес. Богу нашему слава».

Бонч-Бруевич записывал псалмы со слуха, поэтому здесь возможно разночтение: «подняли тою душу на пение», т.е. на небеса, или «подняли тою душу на пении», т.е. пение вознесло душу. И тот, и другой варианты вполне логично укладываются в концепцию обряда. На вопрос по этому поводу, заданный современным певчим Гореловки, одна из них сказала, что это «она (душа. – С.И.) с певчими идет». Другая добавила: «Душе легче уйти». На вопрос, а если певчие не будут петь, душа сможет уйти, первая ответила: «Видимо, отделяется с пением. “Где глаголы, там и пение”, – это же псалом. Господь сотворил человека с глаголом и пением». В разговор вступила третья певчая и добавила: «Пение идет как помощь душе». К вопросу об отделении души от тела мы еще вернемся.

День похорон:

В качестве образца для конструирования своего похоронного обряда родоначальники духовоборчества взяли погребение и последующее воскрешение И. Христа.

Хотя считается, что Сын Божий воскрес на третий день, но в гробу с момента положения и до воскрешения он находился менее двух суток (вечером в пятницу положили, а на рассвете в воскресенье он воскрес). Раньше духоборцы старались похоронить покойника до истечения двух суток, чаще через полтора суток. В зависимости от того, когда человек умер, как быстро сделали гроб, это получалось на второй или третий день. Погребение у духоборцев происходит после обеда, но надо было успеть закончить до захода солнца, т.е., в зависимости от времени года, до 16–17 часов.

Раньше и в первый, и во второй день певчие приходили в своей красивой, яркой, вышитой одежде, женщины были обязательно в духоборческих шапках, то теперь так они одеваются только в самый день похорон. Единственное отличие их «похоронной» одежды от праздничной заключалось в том, что на похороны не надевают юбки горячих цветов (красные, оранжевые).

Певчие приходят в день похорон утром, часов в 10-11, каждый подходит к гробу и читает псалом, и все садятся за стол в той же комнате, где лежит покойник, и поют один-два псалма. Им подают завтрак, после которого певчие начинают петь последнюю строку из псалма «Восстала звезда от востока» [ЖК, пс. 96]: «<...> спаси Господи люди твоя и благослови достояние Твое <...>»

Этот псалом по содержанию нельзя отнести к числу похоронных. Это скорее гимн избранному народу – духоборцам, собранным святым духом, среди которых еще до наступления второго пришествия пребывает Бог Сын, посланный Отцом («пошлю телеса небесные на землю»), воплощенный в реальном человеке – духоборческом вожде. Все присутствующие на похоронах и сам покойный – это и есть достояние Господа Бога. Этот псалом и пропеваемая певчими строка служат своего рода представлением покойного Господу Богу, уверение, что это Божий человек. После этого псалма пели и поют и другие, подходящие случаю: «Се Господь грядет с обличением во последней своей трубе», «Придите, видите дела Божьи», «Гласом моим ко Господу воззвах», «Великое дело» [ЖК, пс. 114, 160, 254, 202].

Близкие родные на протяжении всего обряда с момента укладывания на лавку, а потом в гроб стоят около покойного. Если в первый день покойника не положили в гроб, то с соблюдением описанного выше обряда делают это в день похорон.

За час до выноса певчим подают хозяйскую закуску – это хлеб-соль от покойного, т.е. угощают тем, что заработал покойный, а певчие сулят ему Царствие Небесное. Эта часть обряда вызывает стойкое неприятие у духоборцев среднего и молодого возраста. Во-первых, потому что родственники вынуждены бегать с тарелками, угощать и угождать певчим. Во-вторых, если на духоборческие похороны приходит кто-нибудь из

посторонних, то их неприятно удивляет это застолье при лежащем в той же комнате покойнике, и многие духоборцы стесняются этого обычая. Жительница Гореловки (1964 г.р.) рассказывала, что умер юноша и приехали на похороны из г. Ахалкалаки знакомые семьи и «мать у гроба сознание теряет, сестра тоже. Тут медсестра... А певчие сидят пируют. Тут коньячок, ликерчики и всё. Они все в шоке, за голову хватаются. Это что такое! А нам так стыдно было. Мы с Наташей говорим стряпухам, что это надо отменить, а они: “Вот, когда помрете, тогда и отменяйте. Не нами придумано”». Многократные предложения убрать из обряда застолье при покойнике всегда встречали категорический отказ певчих и людей старшего поколения.

Наконец, подошло время выноса из дома. Певчие заводят псалом «Восстаньте, восстаньте, преподобные мои» [ЖК, пс. 269] и под пение начинают, как говорят, *кланяться* или *видаться*. Обряд поклонения, заключающий каждое моление духоборцев, состоит в том, что певчие мужчины и женщины становятся двумя шеренгами напротив друг друга, и сначала второй мужчина подходил к первому, они берутся за руки как для рукопожатия, два раза одновременно кланяются друг другу не разжимая рук, целуются в губы и еще раз кланяются; потом третий подходит и кланяется с первым и вторым и т.д., после мужчин кланяются друг другу женщины. Это означает, что они поклоняются образу Божьему, сияющему в душе человека. Вместе с певчими кланяются и несколько человек из числа родных покойника, который лежит рядом и тоже как бы участвует в молении.

Псалом «Восстаньте...» о втором пришествии Христовом. Он содержит просьбы об избавлении от тления, о даровании жизни вечной, вечного рая, но там есть два места, которые невозможно понять, если не знать, когда и для чего его поют. В нем есть такие слова: «приими сии моления и отпусти наших <...> приими сии взывания, отпусти наших». Сами певчие не задумываются о содержании псалма, но знают, что под его пение душа отделяется от плоти. Если сопоставить их представления и текст псалма, то его нельзя понять иначе, как просьбу, обращенную к Господу Богу, отпустить душу. В свете этого становится совершенно понятно, почему устраивалось застолье рядом с гробом: покойный еще одушевлен, он все слышит, чувствует и радуется, что люди пришли и едят его хлеб-соль, он сам участвует в застолье. И старые певчие говорили, что чем больше их придет, тем радостнее для покойного застолье и моление. Духоборцы, не знающие сути обряда, естественно, считают застолье рядом с покойником дикостью.

Нарядная одежда певчих и яркие вышитые или тканые *утирочки* (полотенца), развешенные в комнате, тоже как-то не укладываются в обычное представление о смерти, трауре, похоронах. Совершенно очевидно, что у духоборцев похоронный обряд оформлен как праздник освобождения души. Раньше родным было не положено плакать, как

рассказывали старики еще в конце 1980-х гг. Впрочем, уже на их памяти этому запрету духоборцы не следовали. Однако на этом этапе обряда даже отделившаяся от плоти душа еще не может окончательно покинуть тело.

Под пение псалма «Востаньте...» гроб с телом выносят во двор, где все пришедшие прощаются с покойным. После этого процессия отправляется на кладбище, а идущие за гробом певчие поют псалом «Узрев много народу» [ЖК, пс. 184], который у духоборцев обычно называется «Узрех». Это дословно взятые из Евангелия от Матфея (25: 3–12) «Заповеди блаженства», но после каждой заповеди вставлена строка «Помяни нас, Господи, когда придешь во Царствие свое». В вопросо-ответном псалме духоборцы сами указали, что взяли эти девять заповедей или «Девять блаженств», из Евангелия, но с прибавлением «Помяни нас, Господи...» [ЖК, пс. 1, в. 29].

В религиозной культуре духоборцев псалму «Узрех» придавалось и дается особое значение. Слова «блаженный», «блаженство» часто встречается в их псалмах. Блаженство, как явствует из них, это соединение души с Богом, а привести к нему может твердое следование девяти заповедям. Прибавленная строка взята из Евангелия от Луки (23: 42), и эти слова принадлежат благоразумному разбойнику, распятому вместе с Христом, уверовавшему в него и первым из людей спасенному и попавшему в рай. Псалом «Узрех» – это молитва певчих о соединении души покойного с Богом.

Село вытянуто и кладбище находится на его конце, поэтому в зависимости от того, как долго идет процессия, певчие успевают спеть один–три взвода «Узрех». Подойдя к краю села, они начинают петь стишок «А вы голуби, а вы сизые». Это известный духовный стих, который у духоборцев по значимости приобрел статус псалма. Там есть такие слова:

«<...> Как душа с телом разставалася,
Разставалася и прощалася.
Ты прости-прощай, тело белое,
Душа нежная я в тебе жила,
Тебя нежила, себе душе муку верзила.
Тебе телу в сыру землю иттить,
Злым червям точить.
А мне, душе, на суд к Богу итти,
К самому Христу ко спасителю,
К избавителю» [ЖК, ст. 402].

И вот под это пение душа покидает тленное тело, которое вот-вот пойдет в землю. Освобожденная, она сопровождает свое тело на кладбище, провожая его до могилы.

Как только процессия входит в кладбищенскую ограду, певчие опять заводят «Узрех» с той строки, на которой остановились, а если успели пропеть его полностью, то начинают сначала. Его надо допеть и дочитать на кладбище. Гроб стоит около могилы, и родные прощаются с покойным. В тот момент, когда гроб начинают опускать в землю, певчие, отстоящие на некотором расстоянии, начинают под пение «Узрех» кланяться (видаться). Вместе с процессией на кладбище обязательно приходит несколько родственников предыдущего покойника, и они, вместе с кем-нибудь из родных только что принесенного покойного и певчими совершают эту важнейшую часть молитвенного обряда. И души мертвых, по представлению певчих, тоже в это время кланяются где-то «там». Мертвые встречают новенького.

После того как могила почти зарыта, певчие уходят с кладбища и поют «Ныне обратись душа моя ко Господу» [ЖК, пс. 183]. Это мольба души к Господу, чтобы он принял ее и водворил с избранными своими. Певчие уходят, а «душа посидит на камешке на кладбище и летит за певчими в дом», – говорила гореловская певчая.

Покинув бренную плоть перед ее захоронением, душа духоборца еще 40 дней витает около родных мест, как и Святой Дух И.Христа вышел из Его тела через два дня после крестной смерти и еще 40 дней был на земле. Именно поэтому духоборцы устраивают поминки не на 40 дней после смерти, как православные, а на 42 дня.

Современные певчие, когда подходят к дому покойного, начинают петь один взвод «Помилуй нас Владыко; Боже, на всех воззри» [ЖК, пс. 272] и допевают перед крыльцом. Это моление о защите от врагов и милосердии к своим людям, очевидно, к тем, кто остался в осиротевшем доме. Именно этот псалом указан в вопросе-ответном псалме, как обязательный. С.К. Томилина говорила, что они заходят в дом с пением псалма «Се Господь грядет с обличением» [ЖК, пс. 114], который, как справедливо отметил В.Д. Бонч-Бруевич, составлен из текста «Первого послания к коринфянам» ап. Павла и «Откровения св. Иоанна». Псалом посвящен теме Страшного суда, когда «мертвые восстанут, нетлением изменятся», но бессмертие ждет тех, кто жил без греха, ибо грех есть жало смерти. Речь идет о духовном воскрешении, ибо только духовное нетленно.

Зайдя в дом, певчие садятся за столы и начинают петь «К кому пойду от Тебя, Господа моего» [ЖК, пс. 334]. Бонч-Бруевич считал, что это вариация на тему 138-го псалма из Псалтыри, но это стихотворение свт. Димитрия Ростовского, навеянное 138-м псалмом Давида.

Если хоронили женщину, то во время *вечера* певчие раньше еще пели «От вечерней зари звезда возшла» [ЖК, пс. 358], а если мужчину, то «Блажен муж, бояйся Господа»

[ЖК, пс. 215]. В одном упоминаются «жены благовестницы» и дочери, в другом – богобоязненный муж.

Повечеряв, певчие спойут псалом «Праведные души в руке Божей, не прикоснется к ним мука» (нет в ЖК), как бы обнадеживая родных, что праведная душа усопшего в Божьей руке; благодарят хозяев за угощение, желают им терпеливо перенести горе, и родные покойного, в свою очередь, благодарят их. Последним певчие поют стишок «Кабы я знал человек, что недолог мой век» [ЖК, ст. 388] и уходят. Это красивый и грустный духовный стих, известный в разных вариантах не только у духоборцев, о смерти, о грешных и праведных, разделенных на том свете огненной рекой. Он, скорее, обращен к живым, напоминая им о скоротечности земного бытия и необходимости искать спасение на земле, ибо за гробом ничего уже нельзя исправить.

Мы рассмотрели только часть похоронно-поминального обряда духоборцев – его догматическое обоснование, заключенное в псалмах и отчасти в стихках, исполняемых певчими. В основу сконструированного руководителями секты похоронного обряда в качестве образца положены смерть и воскрешение И.Христа, но так, как их трактовали духоборцы в свете своего учения. Понять смысл похоронного обряда возможно только при сопоставлении производимого каждого конкретного действия, представления о нем и содержания исполняемого при этом псалма или стихка. До определенной степени изложенное выше догматическое обоснование похоронного обряда – это реконструкция, хотя и построенная на изучении этих трех составляющих. Сами певчие не склонны анализировать содержание псалмов, руководствуясь традицией их исполнения и некоторыми полученными от старой певчей представлениями.

В этом обряде певчие выступают в качестве посредника между покойным и Господом Богом, коллективным участником и ведущим в этой мистерии смерти и исхода души. Именно такая роль предопределила их очень высокий статус в духоборческом сообществе.

Примечания

¹ Секта духоборцев протестантского направления возникла в начале XVIII в., а возможно, и ранее, и включала преимущественно свободных людей: однодворцев, государственных крестьян, казаков – русских по этнической принадлежности, но в нее входили также украинцы и небольшая группа мордвы из ясашных крестьян Тамбовской губ. Указами Александра I в 1802 и 1804 гг. духоборцы были поселены в Таврической губ., а в 1841–1845 гг. высланы в Закавказье, где проживали в Тифлисской и Елизаветпольской губерниях.

² Псалмы считаются более важными, чем стишки, хотя среди первых есть широко распространенные русские духовные стихи. Все псалмы в отличие от стишков имеют в конце заключительную фразу «Богу нашему слава». Во время молитвенных собраний читают и поют только псалмы. В похоронном обряде певчие поют два стишка, которым придают очень важное значение.

Мы указываем псалмы и стишки под номерами, как они помещены в «Животной книге духоворцев», хотя псалмы, которые читали и пели в гореловские духоворцы, иногда существенно отличались от записанных Бонч-Бруевичем от духоворцев других сел. Опубликовать «гореловские» варианты в данной статье у нас нет возможности.

Библиографический список:

ЖК – Животная книга духоворцев / сост. В.Д. Бонч-Бруевич. СПб., 1909.